

В ЭТОМ НОМЕРЕ
IN THIS ISSUE

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-168-173>
EDN: MBTRFI

Редакционная статья / Editorial

Мусульманские субъективности в российской истории

Динара Марданова , Радик Салихов

Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

 dinara.mardanova@gmail.com

Аннотация: Поднимается ряд вопросов, с которыми сталкивается исследователь, изучающий субъективности верующих и религиозных людей. В частности – проблема искренности, соотношения внешнего и внутреннего, методология исследования, многодискурсивность пространства и во многом спровоцированная им дуальность заданного (традиционное) и неопределенного/неустановленного (новое). Также приводится несколько определений понятия «субъективность», а сами мусульманские субъективности предлагается рассматривать в свете исторического контекста и именовать новое направление исторических исследований историей мусульманских субъективностей. Завершается редакционная статья кратким обзором спецрубрики, представленной следующими темами: советский взгляд на мусульманское детство; «тюремный опыт» российских мусульман; женская субъективность; исламская риторика и дискурс модерна.

Ключевые слова: религиозные субъективности, эго-документы, ислам, система ценностей, мусульманская идентичность

Для цитирования: Марданова Д.З., Салихов Р.Р. Мусульманские субъективности в российской истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 168–173. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-168-173>

Muslim subjectivities in Russian history

Dinara Mardanova , Radik Salikhov

Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

 dinara.mardanova@gmail.com

Abstract: A researcher who studies the subjectivity of believers and religious people will have a number of unanswered questions. Through their work, the author has hoped to address the most prominent of them: the problem of sincerity, the relationship between external and internal subjectivity, the methodology of research of the subject, the multi-discursiveness of subjectivity, and, in many respects, the duality of the given (traditional) and the indefinite/unestablished (new) thought provoked by its study. Several definitions of the concept of “subjectivity” are also proposed by the author, and Muslim subjectivities are considered in the historical context of the period, and how they are represented and covered under a new form of historical research – the History of Muslim Subjectivities. The article ends with a brief review of the thematic themes on the subject, including: the Soviet view of Muslim childhood; the “prison experience” of Russian Muslims; female subjectivity; and Islamic rhetoric and discourse of modernity.

Keywords: religious subjectivities, ego-documents, Islam, value system, Muslim identity

For citation: Mardanova, Dinara, and Salikhov, Radik. “Muslim subjectivities in Russian history.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 168–173 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-168-173>

Изучение субъективностей верующих – новое направление исторических исследований, которое формируется на наших глазах, поднимая ряд исследовательских вопросов¹. Привлекая все больше внимание историков религий, тема субъективности заставляет размышлять не только о внутреннем мире верующих, но и в целом о религиозной традиции, религиозности как таковой. Исследователь оказывается перед рядом дуальностей – сакральное и секулярное, внутреннее и внешнее, индивидуальное и коллективное, заданное (традиционное) и неопределенное/неустановленное (новое) – ожидающих своего ответа. Присущие человеку определенной эпохи и религиозной традиции суждения формируют и очерчивают субъективность его мышления. Истиной для него становится существующая внутри него субъективность, проявляющаяся при написании текста, в особенности эго-документов, таких как автобиография, дневник, личные письма, воспоминания, мемуары и т. д. Отражая внутренний мир человека, эго-документы служат хорошим источником для изучения субъективности и ее трансформации. Так, примером субъективности недавнего коммунистического прошлого стало убеждение, что в обозримом будущем возможно построить общество, исключаящее частную собственность и деление на классы. Эти идеи, став основополагающими коммунистической идеологии, нередко оказывали определяющее влияние на образ мышления и поступки людей².

Ислам и мусульманские общества многообразны, существует множество форм интерпретаций знаний о прошлом, осмыслений настоящего и происходящих вокруг событий, когда задействуются те или иные отсылки и аллюзии к исламу и другим дискурсивным системам в конструировании настоящего – все это влияет и трансформирует субъективность мусульманина определенной эпохи, формирует образ мира и поиска своего места в нем. В своем нарративе мусульманин задействует разные дискурсивные формы и системы ценностей. К примеру, современный российский мусульманин находится в центре по крайней мере трех мировоззрений – мусульманской традиции, российских поведенческих сценариев и ценностей глобализованного мира, то есть оказывается под влиянием всех упомянутых систем ценностей, тем самым получая возможность выбирать тот или иной паттерн поведения и сценарий.

Одним из ключевых исследовательских вопросов для изучения субъективности остается само понимание этого термина. И здесь вполне уместным кажется, как предлагает один из авторов нашего тематического номера О.Ю. Бессмертная, обратиться к опыту историков-советологов, уже давших ответы на многие методологические вопросы данного исследовательского направления. Хорошим подспорьем служит «предисловие» Анатолия Пинского к сборнику статей по позднесоветской субъективности, в котором предлагается три определения. Первое восходит к Мишелю Фуко и связывает субъективность с дискурсами и практиками, которые создают для граждан поле возможностей и тем самым формируют их идентичность. Главным источником трансформации субъективности становятся внешние факторы (позиция субъекта по отношению к власти), под влиянием которых меняются/подстраиваются внут-

¹ См.: Марданова Д.З. Кулак или «ученый пролетарий» (по рукописи Хасан-Гата Габаши) // Татарское рукописное наследие: изучение и сохранение: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 130-летию С. Вахида. Казань, 2017. С. 119–131; Muslim Subjectivities in Global Modernity: Islamic traditions and the construction of modern Muslim identities / ed. by D. Jung, K. Sinclair. Leiden; Boston, 2020; *Sheikh F.M. Forging Ideal Muslim Subjects. Discursive Practices, Subject Formation, & Muslim Ethics*. London, 2020; *Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri* / ed. by A. Bustanov, V. Usmanov. Brill Schönningh, 2022.

² См.: *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995; *Halfin I. Terror in My Soul. Communist Autobiographies on Trial*. Harvard University Press, 2003; *Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Harvard University Press, 2006; *Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века: пер. с англ. М., 2011.*

ренние установки. Второе определение связано с «субъектом» Имануилла Канта, предполагающего существование субъекта до дискурсов. В поле советологов «кантовская» субъективность предполагает стремление «к пониманию субъекта своей собственной жизни (в противоположность восприятия себя как субъекта как, скажем, объекта высшей воли)». То есть в кантовском понимании источником субъективности в большей степени оказываются внутренние представления субъекта о себе, в отличие от Фуко, когда человек превращается в конструкт внешних факторов. Третье определение принадлежит Эрику Найману, который под субъективностью предполагает «кто таков человек, что он думает, как воспринимает мир – рационально или эмоционально, как видит свое место среди других»³. Представленные определения по-разному расставляют акценты.

Тематическую подборку номера открывает теоретико-методологическая статья *О.Ю. Бессмертной*, в которой поднимается целый ряд важных исследовательских вопросов – рассматриваются некоторые аспекты современных трактовок взаимодействия индивидуального и коллективного, социального, культурного в истории, роли агентности и субъектности исторических действующих лиц (актеров). Прежде всего автор предлагает помещать мусульманские субъективности в определенные исторические контексты и в этой связи использовать множественное число для понятия субъективность и именовать формирующееся направления «история мусульманских субъективностей», вместо «история мусульманской субъективности». Второе название, как оправдано, утверждает автор, несет опасность ре-ориентализации исламоведческих исследований, утраты историчности в них. В качестве примера приводится недавнее исследование А.К. Бустанова, посвященное анализу воспоминаний татарина-мусульманина ал-Кадири (см. рецензию на эту книгу далее в этом номере), который помещает «воспоминания» в мусульманскую эпистему и мусульманский контекст, при этом фактически игнорирует советский контекст. Другой полемичный момент в работе Бустанова, к которому обращается Бессмертная, связан с методологическим подходом автора. Субъективность рассматривается через понятие «персона», которая, как утверждает Бессмертная, не является субъективностью, а скорее экраном перед ней, она не отражает внутренней работы и внутренней субъективности. Несмотря на наше согласие со многими положениями этой статьи, хотелось бы, тем не менее, возразить на это утверждение и сказать несколько слов в защиту выбранной Бустановым методологии. В исследовании, как сообщает автор, субъективность ал-Кадири рассматривается через образы персоны, как публичной и частной формы самости, которые «конструируются с течением времени в соответствии с общественными ожиданиями и индивидуальным выбором»⁴.

Данный подход представляется интересным ракурсом и способом анализа. Что касается утверждения, что персона лишь отражение субъективности, ее внешний экран, то это – вопрос спорный. Сразу вспоминается «театральная» полемика К. Станиславского и В. Мейерхольда о первичности мысли и действия, что из них что определяет. Внешняя маска может не только влиять, но и формировать субъективность своего автора. Поэтому выбор направления от внешнего к внутреннему или наоборот – личный выбор исследователя. Разные исследовательские подходы обогащают наши знания об изучаемом предмете. Кроме того, важно учитывать и сам исследуемый источник. Когда мы говорим про дневник, который автор, как правило, пишет для себя и, в котором позволяет себе максимальную искренность, не боясь

³ Пинский А. Предисловие // После Сталина: Позднесоветская субъективность (1953–1985): сборник статей / под ред. А. Пинского. СПб., 2018. С. 11–14.

⁴ *Bustanov A., and Usmanov V.*, eds. *Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri*. Brill Schöningh, 2022.

осуждения и оценки, тогда персона в качестве методологической рамки, вероятно, будет не совсем уместна. Что касается мемуаров, воспоминаний, автобиографий, то они чаще адресованы вовне – близким, потомкам, читателям и в них важнее оказывается внешнее перед внутренним: соответствие некоему образу хорошего и правильного человека. Поэтому при исследовании воспоминаний или мемуаров, судить об «истинной», внутренней субъективности автора оказывается несколько проблематично. Речь скорее идет о том, как человек видел/конструировал правильный образ себя, что на себя «надевал». Немаловажным является и то, что речь идет о верующем человеке и религиозном сообществе, в котором в идеальном случае внешнее и внутренне должны совпадать. Но как мы понимаем, зачастую, это далеко от реальной картины. В «погоне» за святостью и безгрешностью верующие нередко отказываются от своих истинных глубинных желаний. В этом случае маска или персона настолько «врастает» в своего субъекта, что даже сам человек начинает верить в ее истинность и «настоящность», одновременно отказываясь от своих внутренних глубинных убеждений, как греховных. Поэтому здесь также возникает вопрос: насколько сам верующий способен описывать себя искренне, раскрывать свою истинную субъективность, заведомо зная, что за ним наблюдают и его поведение оценивают, причем не только религиозное сообщество, но и «взгляд свыше», за которым может последовать божественная кара за греховные мысли и поступки. Поэтому изучение персон может быть одной из стадий в исследовании мусульманских субъективностей. Интересно было бы, изучив и обнаружив персоны, постараться заглянуть, что скрывается за ними, как и предлагает Бессмертная, но это сложно сделать, не увидев прежде их границ.

Еще один полемичный момент – существование некоторой заданности и обусловленности ислама как религии. Заданность лежит в самой основе религиозной традиции, делает ее отличной и отдельной от других, позволяет идентифицировать определенные маркеры именно как мусульманские, а не христианские и внерелигиозные, отказ от заданности ведет к размыванию ислама как системы. Другой вопрос, что в большинстве случаев исламская заданность является чем-то подвижным и трансформирующимся, что обеспечивает исламу статус мировой религии и позволяет адаптироваться к разным условиям и культурным традициям. Поэтому, поддерживая точку зрения Бессмертной о множественности, историчности и подвижности «мусульманских субъективностей», мы, тем не менее, предпочитаем оставаться в рамках мусульманской, исламской заданности как проявлению социального/коллективного, одновременно оставляя поле для множественности и вариантности индивидуального/субъективного, предлагая использовать слово «субъективность» во множественном числе – и исследовать «мусульманские субъективности».

Выбор в пользу той или иной системы ценностей при конструировании своей субъективности зависит от наиболее авторитетных и значимых для субъекта/автора мировоззрений и эпистем. Это хорошо прослеживается на примере статьи *М.М. Иماشевой*, чей главный герой астраханский юртовский татарин Ибрагим Махмудов, один из активных участников социалистического строительства в татарских селах Астраханской области, ставший советским коммунистом, в своих воспоминаниях наглядно демонстрирует, как постепенно отходит от религии, отказывается от прошлых религиозных «пережитков». Он критикует ислам и жизнь махалли начала XX в. и оценивает их с позиции советского партийного деятеля, атеиста, сторонника советской власти. Несмотря на свои способности к учебе, о которых он упоминает в своих воспоминаниях, и благодаря которым его одного из семьи отправляют учиться в медресе, – он описывает, что религиозные науки ему совсем не давались, он ничего не запоминал. То есть, будучи в детстве верующим мусульманином, впоследствии он предпочитает советскую субъективность.

Л.Р. Габдрафикова также обращается к конструированию дореволюционного детства в воспоминаниях уроженца города Троицка Оренбургской губернии советского татарина, педагога Хабиба Зайни. Автор воспоминаний также описывает родственные связи, жизнь махаллы и родного города, но оценки здесь уже даются иные. Махмудов и Зайни современники и пишут практически в одно и то же время, но в отличие от Махмудова Зайни совмещает мусульманскую и советскую субъективности. Подобной стратегии он придерживается и на протяжении всей жизни, что видно из его биографии, в которой хорошо прослеживаются попытки лавировать между мусульманской и советской субъективностями. Однако выбранная стратегия не защитила его от «Большого террора»: он был осужден на семь лет тюрьмы и в итоге провел 19 лет на Колыме. Еще один пример, правда, уже вынужденного выбора советской субъективности, демонстрирует широко известный мусульманский деятель, богослов и историк, чьи религиозные убеждения не вызывают сомнения, Хасан-Гата Габаши. Попав под давлением советской репрессивной машины, чтобы защитить себя и семью, он конструирует собственный образ советского гражданина, который, тем не менее, не спасает его от «Большого террора». Его лишают имущества и на старости лет ссылают на исправительные работы в Архангельскую область⁵.

Интересный срез дает в своей статье *Д.М. Усманова*, которая анализирует «тюремный опыт» трех представителей интеллектуальной элиты начала XX столетия. Она показывает, как в автобиографии Габдрашида Ибрагимова тюремная действительность описывается с позиций верующего мусульманина, пережившего ощущение стыда от тюремного опыта и одновременно осознание его как «школы жизни». В то же время в произведениях Гаяза Исхаки («Тюрьма») и Юсуфа Акчуры («Тюремные воспоминания») описывается тюремный опыт мусульманина с точки зрения формировавшегося слоя татарских интеллектуалов, довольно серьезно инкорпорированных в общероссийский политический контекст позднеимперской России.

Статья *С.Ш. Назари* обращена к субъективному миру татарской женщины. Автор статьи рассматривает процесс конструирования татарской гимназисткой Фатимой Кашафутдиновой собственной национальной идентичности на основе ее дневниковых записей 1917–1920 гг. Описывается влияние на автора дневника одновременно культурных и интеллектуальных процессов татарской среды и русскоязычного городского культурного и социального пространства, что выявляет ее гибридную субъективность.

Ш.Х. Ризоев на примере травелога бухарского путешественника, джадида и врача Мирзо Сироджиддина Хакима показывает, как автор формирует собственную иерархию культур, используя исламскую риторику и дискурс модерна для выражения субъективной оценки положения исламского мира в контексте соперничества цивилизаций.

Завершает тематическую подборку рецензия Динары Мардановой на уже упомянутую книгу А. Бустанова и В. Усманова «Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of ‘Abd al-Majid al-Qadiri [Мусульманская субъективность в Советской России: воспоминания Абд ал-Маджида ал-Кадири]».

Изучение мусульманских субъективностей – новое направление исторических и исламоведческих исследований, которое достаточно активно сегодня разрабаты-

⁵ См.: *Марданова Д.З.* Кулак или «ученый пролетарий» (по рукописи Хасан-Гата Габаши) // Татарское рукописное наследие: изучение и сохранение: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 130-летию С. Вахида. Казань, 2017. С. 119–131.

вается в англоязычной науке, в России же публикация статей в рамках специальной рубрики журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» является одним из первых шагов в этом направлении.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2023

References

- Bustanov, A., and Usmanov, V., eds. *Muslim Subjectivity in Soviet Russia: The Memoirs of 'Abd al-Majid al-Qadiri*. Brill Schöningh, 2022.
- Fitzpatrick, Sh. *Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia*. Moscow: Russian Political Encyclopedia, 2011 (in Russian).
- Halfin, I. *Terror in My Soul. Communist Autobiographies on Trial*. Harvard University Press, 2003.
- Hellbeck, J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Harvard University Press, 2006.
- Jung, D., Sinclair, K., eds. *Muslim Subjectivities in Global Modernity: Islamic Traditions and the Construction of Modern Muslim Identities*. Leiden; Boston: Brill, 2020.
- Kotkin, S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Mardanov, D.Z. A “ ‘Kulak’ or an ‘Educated Proletarian’ (from the Manuscript of Hasan-Gata Gabashi).” In *Tatar Manuscript Heritage: Study and Preservation: Materials Russian Scientific and Practical Conference on the Occasion of the 130th Anniversary of S. Vahidi*, 119–131. Kazan: Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of TAS, 2017 (in Russian).
- Pinskii, A. *Posle Stalina: Pozdnesovetskaia sub"ektivnost' (1953–1985)* [After Stalin: Late Soviet subjectivity (1953–1985)]. St. Petersburg: St. Petersburg European Univ. Publ., 2018 (in Russian).
- Sheikh, F.M. *Forging Ideal Muslim Subjects. Discursive Practices, Subject Formation, & Muslim Ethics*. London: Lexington Books, 2020.

Информация об авторах / Information about the authors

Динара Замировна Марданова, и.о. заведующего отделом истории религий и общественной мысли имени Я.Г. Абдуллина, Институт истории имени Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан; 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7А; dinara.mardanova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3650-0133>

Dinara Z. Mardanov, Acting Head of Ya.G. Abdullina Department of the History of Religions and Social Thought., Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; 7A, Baturin Str., Kazan, 420111, Russia; dinara.mardanova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3650-0133>

Радик Римович Салихов, д-р истор. наук, директор Института истории имени Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан; 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7А; rsalih@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6380-6640>

Radik R. Salikhov, Dr. Habil. Hist., Director, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; 7A, Baturin Str., Kazan, 420111, Russia; rsalih@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6380-6640>